

Глава 28

Испуганная струна

Его ненависть наконец обрела выход.

Он и так медлил слишком долго. Как он мог быть настолько глуп, чтобы снова поверить Се Хунъи? Почему вновь поддался искушению стоять с ним плечом к плечу?

Неужели он до сих пор не понял, насколько этот человек жесток и коварен? Неужели всё ещё не оставил надежды?

— Дань... Фэн, ты...

Се Хунъи, казалось, хотел что-то сказать, но голос его был едва слышен, словно доносился издалека. В то же время его пальцы вцепились в запястье Дань Фэна, всё ещё пытаясь оттолкнуть его. Это привело Дань Фэна в ярость, и он сжал руку.

Хруст.

В горле Се Хунъи раздался хрип. Он отчаянно забился, но не мог и на йоту поколебать противника. Его брови сошлись в мучительной гримасе, и, на грани удушья, он сумел ухватиться за плечо Дань Фэна.

— Глупец... это морок, кха-кха, очнись!

Дань Фэн оставался безучастен, на его лице застыло выражение раненого зверя, полное лютой злобы.

Было очевидно, что любое прикосновение могло довести его до полного безумия.

Се Хунъи и так проявлял невероятное терпение этой ночью, но сейчас, когда острая боль пронзила гортань, в его глазах вспыхнула убийственная ярость. Тень, словно почувствовав это, закружила поблизости. В этот миг, когда его жизнь висела на волоске, врождённая связь между формой и тенью достигла своего предела.

Форма и тень, неразлучные в беде, встречаются во тьме.

Приди ко мне!

Невероятно холодная, ужасающая сила хлынула из его пальцев. Глаза Се Хунъи широко

распахнулись, чёрные пряди волос взметнулись от мощного потока энергии. Его лицо перестало быть бледным; он стал подобен пиону, пропитанному талой водой и распутившемуся за одну ночь — тысячи лепестков, сияющих холодным светом, явили миру невиданную красоту.

После Иллюзии из плоти и крови сила тени значительно ослабла, и его физическое тело наконец смогло её выдержать. Но жажда Техники Переделки Тени была ненасытна. Тени в радиусе нескольких чжанов задрожали, искажаясь и устремляясь к нему.

Для работы этой техники не нужны были меридианы. Даже в таком ослабленном состоянии он всё ещё мог убить того, кто стоял перед ним.

— Хи-хи, хи-хи! Красная нить порвалась, зов сердца умолк, ненависть тайно родилась... Зная человека в лицо, разве узнаешь его сердце! — пронзительно рассмеялось Божество, занимающее пустующий престол. — Вы накопили друг к другу столько обид, убей его, убей!

От этого голоса голова Се Хуньи раскалывалась на части.

Боль в шее была ничем по сравнению с обжигающим дыханием Дань Фэна, которое окутывало его, словно огненное море, из которого не было выхода.

Снова она. Та мучительная боль, когда пронзают даньтянь и разрывают меридианы. Кольцо из кости, рождающей ветер, однажды уже разбитое, недовольно завибрировало на его локте.

Если бы тогда он не проявил милосердия к Дань Фэну, разве он оказался бы в таком положении? И если отступить ещё на тысячу шагов — если бы они никогда не встретились в землях Чанлю, возможно, он, как и его родные, и наставник, был бы навеки погребён под снегом во дворце Чанлю, а не влачил бы до сих пор существование в этом искалеченном теле.

Убей его, убей его!

— Нет, — равнодушно произнёс Се Хуньи, неизвестно кому отвечая.

Он ухватился за спину Дань Фэна и сквозь судороги напрягшихся мышц наконец нашёл источник его кошмара.

Из раны на спине сочились тонкие, чёрно-красные нити. Похоже, это был пронзивший сердце клинок.

Морок, созданный Божеством, занимающим пустующий престол, был невероятно реалистичен, и развеять его было почти невозможно.

Но... зачем его развеивать?

Се Хунъи изогнул палец. Тень потянула Дань Фэна, и тот с силой рухнул на него. Расстояние в одну стрелу исчезло, и Се Хунъи, приняв на себя всю его тяжесть, глухо застонал. В груди разлилась приторная сладость.

— Кха-кха... смотри внимательно, — Се Хунъи, сильно закашлявшись, прошептал, впиваясь пальцами в плечо Дань Фэна, — если бы это был настоящий клинок, пронзивший сердце, я бы умер вместе с тобой, глупец!

Неизвестно, что увидел Дань Фэн в своей иллюзии, но он крепко обнял его в ответ. Горячий пот стекал с его висков, капая на шею Се Хунъи.

— Тень, почему? Скажи мне!

Такое прикосновение было мучительнее удушья.

Се Хунъи схватил пучок чёрных нитей и с силой вырвал его. Невыразимая тоска сдавила и его грудь.

— Почему? И ты смеешь спрашивать! Нет виновных в обиде, нет должников в расплате. Ты спрашиваешь меня «почему», а кого могу спросить я? Раз уж мы так ненавидим друг друга и стали друг для друга кошмаром, зачем ты погнался за мной?

Он ударил Дань Фэна по шее.

— Всё ещё не проснулся?

Дань Фэн зашипел и с силой стиснул зубы. В его золотистых зрачках постепенно проступила трещина ясного, чёрного сознания.

Их взгляды встретились на одно короткое мгновение.

Для заклинателя десять или двадцать лет — лишь мгновение ока. Черты Дань Фэна не изменились, он словно застыл в той ночи, когда его родина была скована льдом, но выражение его глаз много раз менялось.

Ненавистная встреча на тропах Чанлю.

Горький весенний ветер на берегу озера Белой Пагоды.

Се Хунъи не мог выносить этот взгляд. Воспользовавшись тем, что Дань Фэн ещё не пришёл в себя, он вырвался из его объятий, но тут же почувствовал за спиной леденящий холод.

Бам!

Рядом раздался звонкий треск фарфора.

Неизвестно, когда Божество, занимающее пустующий престол, подобралось так близко.

Керамическая статуэтка с искажённым лицом, из трещин на которой клубился чёрный свет, решила взорваться, чтобы утащить их обоих за собой. Ударная волна от осколков подняла в воздух водопад земли высотой в несколько чжанов.

Дань Фэн без колебаний схватил Се Хунъи за шею и прижал к себе. Его могучая, несокрушимая фигура укрыла его, но из-за тяжёлых ран золотое сияние тела дракона-факела было совсем тусклым.

— Глупец, ты на последнем издыхании, и смеешь прикрывать меня своим телом?

Се Хунъи поднял руку и, выставив её из-за плеча Дань Фэна, откинул рукав. На его ледяном локте вспыхнуло сияние, и он растопырил пальцы!

Если бы Лоу Фэйгуан был здесь, он бы поразился мощи духовной энергии ветра, заключённой в этом сиянии. Невидимый, но невероятно чистый и плотный ветряной барьер возник из ниоткуда, встав перед ними. Удар осколков вызвал оглушительный грохот.

Гро-хо-хо-хот!

Ветряной барьер выдержал удар, лишь слегка качнувшись.

Но зрачки Се Хунъи сузились. Звук трескающегося серебряного браслета был пугающе отчётливым.

Это была последняя воля его наставника, которая вновь защитила его. Ценой тому стало угасшее сияние браслета. Почтенный закрыл глаза, и этот лёгкий ветерок, задержавшийся в мире людей, наконец растворился в девяти небесах.

Безмерная доброта исчерпана, но в этой жизни всё ещё есть место для прощания.

То, что он хотел удержать, ему никогда не удавалось.

А то, что удерживало его, было ещё более глубоким, почти ненавистным наваждением.

Рука схватила его за локоть и снова притянула к себе. Серебряный браслет окончательно рассыпался. Участок белой кожи и красная родинка на его локте на мгновение мелькнули между жёсткими пальцами Дань Фэна.

Никаких преград.

Се Хунъи с юности занимал высокое положение и обладал Запретным именем Почтенного. Много лет никто не смел смотреть ему прямо в глаза. Сейчас, под грубым, обжигающим взглядом Дань Фэна, он чувствовал себя так, словно его насильно осветили фонарём, и в гневе отвернулся.

Дань Фэн стиснул зубы, его брови гневно сошлись.

Смеет отворачиваться?

Из-за этого движения его взгляд сначала упал на шею Се Хунъи. В игре света и тени белая кожа казалась ещё белее, сияя неземной красотой. Лишь один этот вид заставил мутный гнев в его горле взорваться острыми осколками, которые хаотично метались внутри.

— Прячься дальше, — сказал Дань Фэн. — Даже если ты замуруешь себя в железе, отольёшь в статую бодхисаттвы и спрячешься в храме, в нише, я всё равно выковыряю тебя оттуда, дюйм за дюймом. В конце концов, больно будет не мне одному...

Он схватил Се Хунъи за подбородок и повернул его к себе. Растрёпанные волосы взметнулись, и их наконец отбросило его учащённым дыханием.

Впервые за столько лет он ясно увидел лицо Се Хунъи.

Тёмные глаза, полные гнева, смотрели на него. Это был пион, распустившийся в холодном тумане, радуга, явившаяся с тенью меча!

Даже зная его черты наизусть, Дань Фэн, в тот миг, когда призрачный образ из его снов обрёл плоть и кровь, почувствовал, как его сердце на несколько ударов замерло.

Как может кто-то быть настолько...

Он не ожидал, что его небрежно брошенная фраза окажется правдой.

— Оказывается, ты больше похож на бодхисаттву, чем Бодхисаттва Внимающий Небесной

Радости. Но ты — неправильный бодхисаттва, — сказал Дань Фэн. Его веко слегка дёрнулось. Эта жестокая красота почти ослепила его, но он не мог отвести взгляд, даже если бы это стоило ему кровотокащих ран.

В этом смятении на ум пришло имя.

Длинная радуга, затмившая солнце, облака на краю небес...

Я точно видел его раньше, гораздо раньше, в...

При этой мысли его дантянь резко нагрелся, готовый вот-вот снова воспламениться, но его погасила волна сострадательной прохлады.

Кап.

Словно невидимый голос предостерёг его: не приближайся к этому имени.

Почему он не может вспомнить?

Дань Фэн быстро отогнал посторонние мысли. Он выхватил зеркальный клинок. Два феникса на его рукояти несли на себе тяжёлый холодный свет, отражая фигуру, за которой он гнался столько лет.

Формация в трещинах на лезвии быстро активировалась.

Оба знали, что это значит. После слов Дань Фэна гудение клинка было равносильно угрозе.

Се Хунъи инстинктивно поднял руку, чтобы заслонить лицо, но его снова схватили.

— Так боишься жара? Я же говорил, огненная темница — хорошее место. Шкура дракона-факела на полу, слёзы свечей вместо кровати, — Дань Фэн намеренно замедлил речь. — Ты ведь не сочтёшь это слишком убогим?

Судя по тому, что Се Хунъи знал о нём, раз уж он это сказал, его и десять быков не оттащат.

Сцена из гадания на брак всплыла перед глазами, злорадный смех Бодхисаттвы всё ещё звучал в ушах. Но разве Се Хунъи мог сидеть сложа руки? Какое-то гадание, уничтожить его — и дело с концом.

Он изогнул палец, и слабая чёрная тень бесшумно скользнула к разбросанным по земле осколкам статуэтки.

— Мерзость.

— Какая бы ни была мерзость, ты её заслужил, — тут же парировал Дань Фэн.

Не успел он договорить, как спина Се Хунъи выгнулась, и он сильно закашлялся.

Сердце Дань Фэна ёкнуло. Он поспешил поддержать его, его пальцы скользнули по холодным, как вода, чёрным волосам. Это не только не успокоило его внутренний огонь, но и породило тёмные желания.

— Даже одного резкого слова не выносишь? Яд вышел из-под контроля, ты снова использовал тень?

— Следи за своими глазами, — не стал отрицать Се Хунъи, с трудом выдавив: — Не ищи смерти!

Короткая фраза, казалось, отняла у него все силы. Его глаза полузакрылись, придавая ему странную хрупкость.

Почему его настоящее тело кажется ещё более хрупким, чем тень? Словно тонкий, прозрачный кусок льда, который, попав в ладонь, тут же растает. Врождённое желание Дань Фэна властвовать в этот миг было странным образом удовлетворено, но в следующую секунду Се Хунъи тихо приказал:

— Обернись!

Щёлк, щёлк.

Дань Фэн, несколько раз обманутый Бодхисаттвой, тут же настороженно обернулся.

На его глазах разбросанные по земле осколки с резким звуком собрались воедино, образовав фигуру с шестью руками, размахивающими во все стороны.

Сороконожка и мёртвая не окоченеет.

Раньше Союз Бессмертных, избавляясь от Божеств, занимающих пустующий престол, в основном запечатывал их, прецедентов полного уничтожения не было. Неужели эту тварь невозможно убить? Шесть глаз статуэтки резко открылись, трещины на её теле снова начали расширяться, и она издала ужасающий вопль.

Дань Фэн всё ещё был в недоумении, но Се Хунъи в его объятиях от налетевшего порыва ветра

содрогнулся и выплюнул полный рот крови. Кровь была холодной, как ледяной туман, и, попав на лицо Дань Фэна, заставила его зрачки сузиться, а мысли заметаться.

Нынешнее состояние Се Хунъи не позволяло ему выдерживать никаких ударов.

Разбить парные зеркальные клинки, похитить его прямо сейчас, ещё есть время.

Божество, занимающее пустующий престол, не собиралось задерживаться. Он пронзительно закричал и, быстро перемещаясь, устремился в сторону улицы.

— Он хочет поглотить кровь и плоть, — голос Се Хунъи был тихим и быстрым, но его слова совпали с мыслями Дань Фэна. — Не дай ему добраться до людей, останови его!

Остановить его?

Есть только один способ.

Дань Фэн беззвучно стиснул зубы и, крепко схватив запястье Се Хунъи, швырнул в статуэтку парные зеркальные клинки. В ярком свете отражений наконец активировалась телепортационная формация.

Щёлк-щёлк!

Всё произошло в мгновение ока. Несколько тонких чёрных нитей вырвались из осколков и втянулись под пальцы Се Хунъи. В тот миг, когда они лишились поддержки, статуэтка на глазах у Дань Фэна снова рассыпалась, превратившись в точки света телепортации.

Чёрт, опять обманул!

Если бы он и сейчас не понял всех этих хитросплетений, он мог бы с разбегу удариться головой о статую Матери-Солнца из Сихэ и умереть с позором.

Хрупкий и слабый?

Яд вышел из-под контроля?

Бодхисаттва воскрес?

Се Хунъи явно видел, что ситуация складывается не в его пользу, и, боясь, что его утащат в огненную темницу, притворился слабым и прижался к нему, чтобы тайно сшить осколки. Он ждал, когда тот использует свои клинки!

— Ты сделал это нарочно, зная, что я так поступлю.

— Да, благодарю за гостеприимство, — мягко сказал Се Хунъи и, внезапно улыбнувшись, сверкнул глазами, полными злой насмешки. — Великий добродетель.

Его улыбка сводила с ума. Дань Фэн, посмотрев на него мгновение, тоже стиснул зубы и улыбнулся в ответ.

— Раньше я не замечал, что ты так умеешь приспосабливаться. Похоже, чтобы увидеть твою добрую улыбку, нужно сначала лишить тебя силы!

Они оба были мастерами по части уколов в больные места. Се Хунъи слегка приподнял бровь и шевельнул пальцами... Дань Фэн, сообразительный и быстрый, схватил его за запястье, но тут что-то мягкое и прохладное коснулось его брови.

Ш-ш-ш.

Это была не пощёчина, но хуже. Се Хунъи использовал тень, чтобы едва ощутимо провести по его надбровной дуге!

Бровь Дань Фэна пронзила тупая боль, словно он оказался под брюшными чешуйками ядовитой змеи. Бесчисленные пёстрые, холодно блестящие кольца сжимали его веки, то сокращаясь, то расширяясь, вызывая неопишуемый, леденящий душу трепет.

Его кадык дёрнулся, и ярость в его сердце породила струю нечестивого дыма. Он ещё крепче сжал запястье Се Хунъи.

— И это всё? Это тоже притворство?

— Ты смеешь упрекать меня в этом, и говоришь так легко, — сказал Се Хунъи, — будто сам никогда так не поступал.

Дань Фэн замер.

— Что ты имеешь в виду? Ты говоришь, что я что-то сделал... твои меридианы были разрушены из-за меня?

Се Хунъи с безразличием отвёл руку. Но разве Дань Фэн мог его отпустить? Он тут же потребовал ответа:

— Се Хунъи, не говори загадками. Даже если ты меня ненавидишь, не делай из меня дурака, не

вешай на меня чужой долг! Моя память повреждена, но до озера Белой Пагоды мы точно встречались. Что было до этого?

Невидимая сеть, словно из тончайшего шёлка, опутала его, всё вокруг было туманным. Казалось, ответ вот-вот сорвётся с губ, но он никак не мог его ухватить.

— Ты не помнишь, и это к лучшему. Уходи! — холодно бросил Се Хунъи.

Этот приказ, казалось, был призван разрубить туман, окутывающий их прошлое.

Неправильно...

Неправильно!

— К лучшему? Ты сказал «конец» — значит, конец? Ты должен Обители Сихэ целое озеро крови! Это я надеялся на лучшее, это я, несмотря ни на что, не мог смириться и попытаться оправдать тебя! Се Хунъи, я десять лет был посмешищем, только чтобы спросить тебя: почему? Двадцать лет назад, в землях Чанлю...

— Хватит.

Не успел он договорить, как пальцы Се Хунъи шевельнулись. Мощный удар отбросил голову Дань Фэна в сторону, перед глазами потемнело. Когда он обернулся, он уже с силой стиснул зубы, его лицо исказилось от ярости.

— Се Хунъи!

— Эта пощёчина — за то, что ты осмелился в моём присутствии играть «Песнь бога огня, скорбящего о солнце».

Взгляд Дань Фэна не успел достичь лица Се Хунъи, как его преградили несколько тёмных клинков.

Воины в чёрных доспехах внезапно появились, окружив их. Сияние клинков, словно стена, молчаливо преградило ему путь, и человек перед ним снова стал далёким и недосыгаемым градоначальником Се.

Послышался стук копыт Лазурного снежного ни. Его серебристо-белая шерсть с тёмно-зелёным отливом мелькнула в конце улицы.

К сожалению, этой ночью он упустил свой шанс. Похитить Се Хунъи было уже невозможно.

Воин во главе поклонился и, придерживая Се Хунъи, помог ему подняться. Холодное запястье в ладони Дань Фэна вот-вот должно было выскользнуть.

Приходить и уходить, когда вздумается?

Дань Фэн схватил его за кончики пальцев. Воины в чёрных доспехах, боясь навредить хозяину, не решались атаковать. Он наклонил голову и с силой укусил Се Хунъи за правое запястье.

Ненависть была лишь оттого, что запястье было подобно снежному нефриту, а сердце — железу!

Когда зубы сомкнулись, даже безжалостный нефрит должен был дать трещину.

От этого укуса даже у бесстрастных воинов в чёрных доспехах дрогнули брови. Лазурный снежный ни, только что подбежавший к Се Хунъи, увидел эту сцену, в ярости встал на дыбы и оглушительно фыркнул.

Дань Фэн был готов к этому. Он отпрыгнул за пределы кольца клинков и коснулся пальцем клыка.

— Горькое, — пробормотал он. — Прекрасный белый цветок с шипами, но жажду не утоляет.

— Дань Фэн.

Лицо Се Хунъи было темнее тучи. Прежде чем воины успели его защитить, он схватился за укушенное запястье. Крови не было, но ладонь, словно обожжённая оставшимся жаром, неудержимо пульсировала.

Воины в чёрных доспехах были невероятно преданны. Увидев, как его брови гневно сошлись, а глаза сверкнули, как молнии, они тут же обнажили клинки и, словно чёрная волна, устремились к Дань Фэну.

— Не дайте ему умереть в городе, остальное неважно! — приказал Се Хунъи. — Лазурный снег!

Лазурный снежный ни, чувствуя гнев хозяина, яростно прыгал, выдыхая в сторону Дань Фэна клубы зелёного дыма. Услышав зов, он схватил зубами край одежды Се Хунъи и осторожно усадил его себе на спину.

Се Хунъи больше не опускал головы. Он положил руку на голову зверя, и его пальцы и запястье мелко дрожали.

Он лишь слегка погладил его, и Лазурный снежный ни издал протяжный рёв. Его пышная шерсть на ветру и снегу вздыбилась, и он, неся на себе Се Хунъи, взмыл в лунный свет!

Для Се Хунъи было странно не ответить на оскорбление на месте. Воин во главе отреагировал мгновенно, вскочил на коня и отдал приказ. Тёмные фигуры, словно железная стена, преградили путь любому любопытному взгляду.

И действительно, через несколько мгновений Се Хунъи содрогнулся и обессиленно упал на спину зверя. Его синие одежды и чёрные волосы растрепались, делая его лицо ещё бледнее, а кровавый след под глазом — ещё ярче.

— Градоначальник! — в тревоге и гневном воскликнул воин. — Не обращайтесь внимания на остальное, немедленно доставьте градоначальника в резиденцию! Кроме целителей, никого не впускать!

— Есть!

Группа, примчавшаяся с ветром, так же стремительно удалилась в лунном свете.

Дань Фэн же, увернувшись от клинков, несколькими шагами взобрался на стену и, перепрыгнув на карниз, достал холодный серебряный браслет. Он медленно поглаживал его, и его сердце, после всех потрясений, билось всё быстрее и быстрее, готовое вот-вот взорваться. Ему срочно нужен был выход.

Он посмотрел сверху вниз на оставшихся воинов.

— И вы смеее преграждать мне путь? — холодно усмехнулся он.

<http://bllate.org/book/16978/1587220>